

Серия: Природоохранная пропаганда Киевский эколого-культурный центр
Украинская молодежная экологическая лига

Святые животные

Горичева Т.М.

В книге рассказывается о любви и уважении к животным, к природе в целом с позиций христианской заповеди любви к ближнему.

©Русский христианский гуманитарный институт христианство и экология 1997
©Горичева Т.М., 1999

Содержание

Вступление (от издателя)

Вступление (от автора)

Спаси творение

Космическая евхаристия

Мир и его права

Ойкология. Поиск пространства

Мать - сыра земля

Православие и животные

Эколитургия

Приложение. Святые и животные

Вступление (от издателя)

Я хочу представить читателям книгу Татьяны Горичевой "Святые животные". Автор - всемирно известный российский православный философ и богослов, в 70-е годы - руководитель "подпольного" религиозно-философского семинара, редактор самиздатского журнала "37", участница российского феминистского движения. Преследовалась КГБ и в 1980 году была выслана из Советского Союза.

В настоящее время Т. Горичева - один из основателей гуманитарного Санкт-Петербургского фонда им. В.С. Соловьева, преподаватель Русского Христианского Гуманитарного института, председатель оргкомитета общественного движения "Милость мира - Христианская экологическая инициатива", организатор конференций по теме "Христианство и экология".

Нельзя сказать, что в России, Украине, других странах бывшего СССР богословы, священники часто обращаются к вопросу охраны природы. В азиатских, европейских странах, США, Канаде церковь давно находится в авангарде экологического движения. О религиозном женском движении "Чипко" в индийских деревнях, американской эколологической организации "Вера-Человек-Природа" знает весь мир.

К сожалению, среди "зеленых" активистов стран СНГ также не видно особого интереса к нравственным и экологическим истинам христианства, ислама, буддизма, язычества и иных религий. Они по-прежнему продолжают верить в технократическое решение проблемы экологического кризиса.

Восполнить в какой-то степени этот пробел призван проводимый Киевским эколого-культурным центром международный проект "Любовь к природе" (Гуманитарная экологическая инициатива), в рамках которого и издана эта интересная книга.

Владимир Борейко, директор Киевского эколого-культурного центра

Вступление (от автора)

Часто христиане интерпретируют заповедь любви к ближнему, руководствуясь биологическими и биографическими критериями. Кто мой ближний? Многие ответят: мои дети, мои друзья, мои сослуживцы.

Эта близорукость и довела нас до апокалиптической ситуации, когда мы больше не "хозяева" на нашей земле. Мы скорее напоминаем разбойников. Земля же переживает судьбу человека, "с которого сняли одежду, изранили и ушли, оставив его едва живым" (Лука 10.30).

Господь Иисус Христос иначе понимал заповедь любви. Когда его спросили: "Кто мой ближний?", он тут же заговорил о том, кто больше всего страдает: "Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам..."

Сегодня милосердный самаритянин поспешил бы на помощь земле, животным, воздуху, деревьям. Они наши ближние, изуродованные и обокраденные нами.

Чтобы облегчить душу, и писались эти статьи. Все это первые попытки "православной экологии"; когда-нибудь, надеюсь, будут написаны более фундаментальные труды. Но время не терпит, нельзя, подобно священнику и левиту из евангельской притчи, проходить мимо. Как мы, православные, можем помочь в ситуации экологического кризиса? И можем ли?

Спасти творение

В наше время темы природы, "окружающей среды", безмолвного (и от этого еще более жуткого) страдания твари самым прямым образом связываются с христианской идеей спасения. От человека зависит судьба земли и космоса, и от судьбы земли и космоса зависит то, выживет ли человек физически и духовно.

Это время уникально тем, что впервые человек осознает свою беспомощность перед самим собой. И верующим, и неверующим сегодня ясно: возможности человеческого "преобразования" природы намного превосходят возможности предвидения всех тех последствий, к которым приведут данные преобразования. Если еще совсем недавно человек был хоть и мыслящим, но слабым "тростником", если в былые века он боялся могучей природной стихии, то теперь он боится собственной слепой и безответственной силы. Реальностью стала сказка об ученике чародея. И разговоры об "ответственности" перестали быть только пустым морализированием. Ибо сама ответственность представляется чем-то очень тяжелым, она трагична. Не зря в наше время одной из самых популярных книг стала книга Ганса Ионаса "Принцип ответственности".

Новое время существовало под знаком первого закона термодинамики о "сохранении энергии". Казалось, что вселенная неисчерпаема и ее богатствами можно пользоваться бесконечно.

Современная, постмодернистская эпоха определяется тем, что на смену закона "сохранения энергии" пришел второй закон термодинамики ("самый метафизический из всех законов" - Бергсон). Согласно этому закону, все в мире стремится к энтропии. Тепло переходит только от теплых тел к менее теплым. Но не наоборот. Этот закон говорит нам, что энергия ограничена, конечна. По существу, второй закон термодинамики положил конец оптимистическому мифу о прогрессе, "вере" человека в бесконечные возможности науки. Есть мнение, что миф о фаустовской и прометеевской личности возник благодаря христианству. Это была христианская идея: богоподобность человека, человекоподобность Бога. Конечно, безудержно рвущийся вперед "фаустовский" субъект - только искажение христианской мысли. Но и это искажение стало возможным только потому, что Бог вочеловечился.

Экологически мыслящие деятели, писатели и до сих пор бросают упреки нам, христианам. В дискуссиях 70-х годов именно христианство обвиняли в том, что оно породило антропологический нарциссизм и рационалистическую мегаломанию.

В христианстве Бог-Творец резко отделен от твари. Происходит своеобразное обезбоживание мира и твари. Человек - это царь творения, его венец, все остальное ниже его, должно ему подчиняться. Новое Время, соединившись с акосмической идеологией протестантизма, усугубило проблематику. Деистические тенденции, представление о Боге как об универсальном механизме, запускающем в работу механизм "творения", ненужность Бога-Творца - ибо естественные науки смогли и без Него объяснить устройство мира, этой огромной машины, - и, в конце концов, на природу стали смотреть как на объект использования и потребления.

В наше время богословы всех христианских конфессий пытаются восстановить справедливость, "оправдать христианство" и создать христианскую экологию, соответствующую задачам времени. Особенно стараются протестанты, так как именно их традиция наиболее "оголена", механистична и редуционистична. Они оправдывались только благодатью - природа была изгнана как грех. И у православных появляются отдельные работы на эту тему (хочется особо отметить сочинение Патриарха Антиохийского, святейшего Игнатия IV "Спасти творение"), Священный Синод вселенской Патриархии объявил 1 сентября каждого года Днем вознесения молитв в защиту окружающей среды.

В православии (особенно в русском) космизм является неотъемлемой частью мироощущения и мировоззрения. Даже светская научная мысль в России движется в том же направлении: освоение космоса, идеи о ноосфере.

"Космическая литургия", теофания стихий: освящение воды, дома, животных, всякой вещи; ощущение рая и стремление к райскому миру, к извечной справедливости, "руссоизму" (неизбывный русский утопизм), особое поклонение Святому Духу, "Все исполняющему", любовное заступничество Царицы Небесной, о которой "радуется всякая тварь", монастыри, затерянные в лесах, святые, разговаривающие с медведями и птицами, - все это не ушло от нас, сохранено в православной традиции вместе с запрещением думать, что между благодатью и природой пролегла непреодолимая пропасть. "Всякое дыхание да хвалит Господа!"

И все же каждое время ставит свои проблемы. И сегодня мы, православные, оглядываемся вокруг себя и обнаруживаем, что в наших странах с экологией дела обстоят не лучше (а хуже), чем в протестантском и католическом мире. В силу трагических событий советской истории, когда совершенно обесценилась жизнь человеческая, нечего и говорить об уважении к жизни бессловесной и о сострадании к "стенающей" твари. Мы столкнулись - особенно во время перестройки - как с проблемами первого, так и с проблемами третьего мира. Катастрофы, вызванные чрезмерным развитием техники ("Техника - это война, она прежде всего разрушает" - вывод Поля Вирилье), бездушные механистической цивилизации, отрицающей Бога и тайну, - это нам известно, ибо наша страна принадлежит к современным индустриальным державам. Но нам известна и жестокость, происходящая от нищеты, от задавленности, от потери чувства собственного достоинства, садомазохистские комплексы и отношение к природе как к "врагу"; страх, презрение, псевдомистический ужас перед "нечистым" и магическим - то, что так наблюдаемо в странах Третьего мира.

Если в Западной Европе и Евроамерике процветает плюрализм, то есть безразличие по отношению к Другому (а природа - это прежде всего Другое), то в Латинской Америке, в Африке Другое - объект страха или языческого поклонения.

Экологическая проблематика объединила Запад и Восток, Север и Юг. Она столь актуальна в наши дни, что все другие проблемы кажутся сегодня менее важными, отступают как бы на второй план. Мы, христиане, должны помогать друг другу, чтобы выйти из тупика ложно понимаемого антропоцентризма.

Здесь полезно обратиться и к идеям других конфессий (надеюсь, что читатель поймет меня правильно: я ни в коем случае не призываю к поверхностному "экуменизму", самое страшное для веры - это смешение), например, к экзегетическим открытиям западного богословия последних лет, позволяющим отказаться от вредных стереотипов, утвердившихся в нашей христианской традиции.

Космическая евхаристия

В своем послании по "Вопросам защиты окружающей среды" святейший патриарх Дмитрий пишет: "Разрушительная деятельность современного человека, занимающего привилегированное положение на созданной Богом земле по заповеди "обладайте ею" (Быт 1.28), уже привела мир на грань апокалиптического саморазрушения. Это и загрязнение окружающей среды, опасное для всех земных существ, и истребление большого числа животных и растений, и другие проявления жизнедеятельности человека".

"Обладайте ею" - так переведен еврейский глагол "кабаш" (kabasch). Современные экзегеты (прежде всего немецкие), как протестанты, так и католики, уделяют трактовке этого термина особо пристальное внимание. "Обладайте" в христианской традиции часто понималось как "используйте" и "насилуйте".

Согласно В. Шмидту (W. H. Schmidt "Die Schopfungsgeschichte der Prieslerschrift". Neukirchen - Vluyn, 1973), этот глагол так и переводится "подчинять, насиловать". Но сегодня раздаются другие голоса, и многие богословы предпочитают трактовку католика Норберта Лофинга (N. Lohfing "Macht euch die Erde untertan?" in Orientierung 38, 1974).

Глагол "кабаш" (KBS) должен означать, пишет Лофинг, нечто вроде "попирать ногами". Но мы должны считаться с особенностями того времени и еврейской истории. Выражение это было тогда эквивалентом нашему "наложить руку". Лофинг предлагает "недраматический" перевод: "распоряжайтесь землей".

Человек должен относиться к земле так, как относится Бог к своему творению, с любовью и бережно.

"И благословил их Бог и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и пополняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле" (Быт 1.28). Важно себе уяснить и второй термин - "владычествуйте", еще более "небезопасный", чем "обладайте".

Глагол "радах" (Rdh), по мнению Шмидта, означает "неограниченное господство". Лофинг думает и в этом случае иначе. RDH - означает господство над животным миром. Поскольку ко времени Быт 1.29 невозможно было говорить ни об охоте, ни об убийстве животных, речь здесь должна была идти о чем-то более примиряющем и нормальном. Глагол этот не несет в себе никакой жестокости. Он означает "управлять, направлять".

Еще один экзегет, E. Zenger:

"Это слово означает, собственно, заботу пастуха о своем стаде, он выводит своих животных на сочные луга, защищает перед лицом любой опасности, охраняет от хищников..." (E. Zenger "Gotteslogen in der Wolken". SBS 112. Stuttgart, 1983. S. 91).

Бог создал человека по своему образу и подобию - все христианские церкви утверждают: заповедь "господства" над природой дана человеку потому, что он создан по образу Божьему.

Часто забывают о контексте договора между Богом и человеком. А он таков: "Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому (гаду) пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал я всю зелень травную в пищу" (Быт 1.29-30).

В этом отрывке говорится о мире, который должен был бы, по замыслу Бога, существовать между человеком и животным, о том, что ни одна тварь не должна уничтожать другую.

Как печально, что наша христианская цивилизация строилась, умышленно и неумышленно пренебрегая этой заповедью. Если сравнить нас с буддистами и индуистами, то они в некоторых отношениях более "христиане", чем мы.

И радостно, и неожиданно (неужели это возможно!) было видеть своими глазами, что в Индии не убивают коров, не бьют собак, не мучают кошек. Даже в самые голодные

годы Ганди отказался провести реформу и заставить индусов есть мясо: "Мы не можем убивать коров, мы должны быть солидарны со всей страдающей тварью". Поистине литургическое отношение к космосу. А где же мы с христианской заповедью любви?

Мы подменили Евангелие Декартом - именно в его философии произошло радикальное деление на человеческое и животное, с тех пор животное стало для нас какой-то нечувствующей машиной. И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать и хранить его" (Быт 2.15). Таковы первые "экологические" заповеди Бога.

История Бога - это не только история Его взаимоотношения с народом избранным или даже всем человечеством, но и его взаимоотношения с тварью, с универсумом: "Ибо так возлюбил Бог мир (космос), что отдал Сына своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин 3.1).

Господь воплотился, тем самым освятив не только человеческое существование, но и весь космос, всякую плоть. Вот как пишет об этом святой Максим Исповедник: "Тайна боговоплощения содержит в себе смысл всей твари... Тот, кто познал тайну Креста и Гроба, познал смысл вещей, и тот, кто получил доступ к скрытому смыслу Воскресения, понял цель, для которой все было создано Богом". Слово - архетип всех вещей, все Им и для Него создано. В Нем всякая тварь находит свою "рекапитуляцию", свою суть. "И Он есть прежде всего, и все Им стоит" (Кол 1. 17).

Историческая Библия - это ключ к Библии космической. Св. Максим Исповедник: "В Преображении Господа сияющие одежды означают или буквы Библии, или плоть земли, или сущности, преображенные благодатью".

И святой Григорий Нисский, восхищенный космосом, говорил о нем: "Чудесно сочиненный гимн".

Господь воплотился в человека. Господь воплощается на каждой литургии в Хлеб и Вино Евхаристии. Этим самым освящаются стихии, преобразуется универсум, который, по учению святых Отцов, должен стать единой Евхаристией. Апостол Павел пишет: "За все благодарите" (то есть совершайте Евхаристию) - (Фес 5.18). Евхаристия, по-гречески, - "благодарение".

Мир и его права

Человек, который должен был бы возделывать Божий сад и давать имена животным, призван был быть священником для всей твари. Но получилось нечто на священство совсем не похожее. Человек превратился в хищника и потребителя. С позиций ограниченного и утилитарного познания была уничтожена тайна творения. "Я мыслю, следовательно, существую" - вот что пришло на место сада. Пустыня убогой и субъективной мысли "ни о чем".

В XX веке все чаще раздаются голоса, критикующие рационализм. Церковь, особенно православная, способна и должна противостоять всеобщему картезианству. Человечество вновь открывает мифологическое, сказочное, поэтическое измерение бытия. Но выше всего тайна святости. Это тайна самой реальности, святое всегда целое, никогда не часть.

Церковь способна дать ответ на вопрос о творении. А именно этот вопрос становится важным в эпоху всеобщего экологического кризиса. Сегодня человек, уничтоживший все высшие ценности, заметил, наконец, что и "низшая", "презираемая" им тварь более не служит ему, что, оказывается, есть пределы бесконечному потребительству и жестокости.

Христианское понимание творения имеет два источника: еврейскую и греческую традиции.

Еврейская мысль - прежде всего мысль историческая. Центральное в еврейской традиции - резкое противопоставление Бога и мира. Вера в Яхве должна была уберечь еврейский народ от влияния пантеистических и матриархальных религий. Бог не от мира, и мир не от Бога. Бог - не в ритмах и откровениях природы. Он - в человеческой истории. Бог совершенно трансцендентен, а мир имманентен.

Это резкое противопоставление Бога и творения было на руку секуляризирующим тенденциям Нового Времени (см. об этом в Jurgen Moltman "Gott in der Schopfung". Munchen, 1987. S. 28).

Усилившееся со времен Ренессанса беззастенчивое использование и эксплуатация природы искали себе оправдания ссылаясь на Библию, особенно на Ветхий Завет. "Но тем самым искажалась критическая идея самого ветхозаветного различия. Не отступая от центральной мысли о различии Бога и мира, сегодняшняя экологическая теория должна говорить об имманентности Бога миру" (там же).

И в Ветхом Завете Бог присутствует в творениях благодаря своему Духу. Все, что существует и живет, продолжает свое существование лишь благодаря непрерывному воздействию Святого Духа и его энергий.

Сокроешь Лице Твое-мятутся,
Отнимешь дух их - умирают,
И в персть свою возвращаются.
Пошлешь дух Твой - созидаются,
И Ты обновляешь лице земли.
(Псал. 103.29- 30)

В еврейской традиции воспевается и море - великое и пространственное, - и пресмыкающиеся, которым нет числа, и играющий Левиафан. Веселится Господь о Делах Своих!

И все же мир этот идет к концу. Последнее событие мира, эсхатон, окрашивает собой всю человеческую историю, конец мира для евреев неизбежен.

С другой стороны, христианство испытало влияние древних греков. У греков мир вечен и автономен. Он - другое Бога, не желаемое Богом. (У евреев Бог желал создать мир.) Космологическая греческая культура почти не интересовалась историей, которая была для нее сферой хаоса и беспорядка. Греки представляли себе время в виде вечно

повторяющихся природных циклов. У них не было пророков в еврейском понимании этого слова

Зизиулас пишет: "Благодаря синтезу этих двух культур христианство пришло к идее космологического пророчества, к книге Откровения. Христианский пророк поднимается над историей и с этой высоты созерцает фактичность мира, созерцает не только Израиль, но и всю человеческую историю, и не только человеческую... Евхаристическое богословие рассматривает мир как нечто конечное, но способное к выживанию, к возвращению в лоно Господне. Самые ранние евхаристические молитвы благословляли плоды земли. Человек ответствен за то, чтобы мир вновь пришел к Творцу. Он - Первосвященник, сотворенный по образу Божьему" (The most Reverend John Zizioulas, Metropolitan of Pergamon "Theology and Ecology". Kinds College).

Христианство в своем первоначальном варианте отошло и от пантеизма, и от гностического, пренебрежительного отношения к миру. Мир не был прямым продолжением Богу, но он не был и насквозь злым. Вот как пишет св. Максим Исповедник о создании мира: "Бог сотворил бытие не потому, что нуждался в чем-то, а чтобы тварь могла радоваться своим делам, смотря, как творение, наполненное радостью, черпает неисчерпаемое" (3 Стоглав, о любви, 46).

Особое положение человека

Человек так же относится к Другому, как относится к Другому (к миру) Бог. Поэтому нельзя утверждать, что человек - это еще одно животное. Подобное утверждение можно услышать от некоторых экологов, пытающихся разрушить представление о человеке как о "венце творения". Человек не хуже и не лучше животного, у него просто другая судьба и миссия. Он сотворен по образу Божьему, и из всех тварей он один может выходить к Другому (человеку, Богу) как Другому. Животное делает то, что для него естественно, кошка не сможет познать мышшь как сотворенное, другое существо.

В этом и выход: богоподобие человека в его стремлении за свои пределы. Причем, это стремление не должно вылиться в экспансию и агрессию. Наоборот, любое "завоевание" человека должно быть уравновешено и облагорожено мыслью о том, что это еще не все, что целое - никогда не система, что сделанное руками или головой может быть сделанным во вред Богу и жизни. В истории человеческих открытий и завоеваний оптимальное всегда было максимальным. Человек - хомо фабер. Фауст, Прометей - имя им "легион" - стремился к "беспределу", не зная стыда, не чувствуя благодарности. В наше время он впервые сознает, что подобная беззастенчивость может кончиться и для него очень плохо. Сможет ли он удержаться на этой мысли? Или победят все те же скорость, прогресс, автоматизм, дурная бесконечность накопления и потребления?

Сможет ли человек так выйти за свои пределы, чтобы пересмотреть свой взгляд на историю и творение?

Мир как Третье

Тема мира, или творения, стала столь важной, что в наши дни все христианские конфессии заговорили об особом положении мира, как чего-то Третьего, как посредника между Богом и человеком ("Creation et salut". Bruxelles, 1939).

Это и тема Софии, столь любимая в русской традиции. София - сверхличное существо, душа твари и т.д. София Премудрость Божья, соединяющая Бога и мир.

Это и вновь открытая еврейская традиция, с Богом, страдающим в своих тварях. Учение о Шехине, то есть о схождения Бога к людям и пребывании Его среди людей (Розенцвайг "Звезда спасения").

Мольтман говорит о мире как о субъекте (раньше в немецкоязычном богословии более говорили об объекте и о субстанции).

Юрген Мольтман заимствует у православных идею перихорезиса. Перихорезис - это отношение между тремя Лицами в Святой Троице. Это внутрибожественная жизнь, определяемая "неподвижным движением Любви" (св. Максим Исповедник). Это равенство и абсолютное различие. Святая Троица - не застывшая схема. Высшее

напряжение жизни и любви и одновременно божественная тишина и покой - вот что такое Троица.

Мольтман считает, что между Богом и миром существуют такие же отношения любви. Мир - открытая система, свободно действующий субъект. Мир и Бог также связаны перихорезисом.

Можно ли идти так далеко? Несомненно, что между Богом и миром нет отношений господства и подчинения (как это представлено в "Церковной догматике" Карла Барта), но все-таки мир и Бог не равны, Бог бесконечно больше мира. А перихорезис- отношения между разными Лицами. Но можно понять и рвение Мольтмана, пытающегося оживить и возвысить полуживой, попавший в руки псевдохристианской цивилизации мир. Но как же у нас, православных?

В православной традиции между Богом и миром никогда не было отношения раба и господина. Бог нуждается в мире, распавшийся на части мир должен вновь собраться, освятиться и обожиться, стать единой евхаристией и литургией.

А если говорить о "Третьем", или о посреднике, то лучше не прибегать ни к Софии, ни к "скрытому" Богу о Павла Евдокимова, Бердяева и пр. односторонне мыслящих философов. В церковной традиции есть удивительное учение о нетварных энергиях. Они-то и могут быть тем Третьим, тем "посредником", который не вытесняет собой Христа.

Согласно православному учению. Бог присутствует в мире благодаря своим энергиям, которые нетварны. "Между Богом и энергиями нет причинно- следственных связей. Энергии не созданы, они не произведены из ничто, они вечно исходят из Троичной сущности" (Lossky "Theologie mystique". Aubier, 1944. P. 71).

Энергии реальны. "Можно сказать, что энергии означают способ существования Святой Троицы вне ее недостижимой сущности" (там же). Бог не умаляется в своих энергиях. Он целиком и , полностью присутствует в каждой из них.

Механистическому взгляду на природу православие противопоставляет взгляд литургико-органический. Механистическое мировоззрение - это отдельные атомы. Это целое как сумма атомов. Православно-энергетический взгляд иной: вначале было отношение, а не вещь. Каждая деталь несет в себе все целое. Евхаристия (внешне ничтожный "атом") заполняет собой весь мир: "Ибо воистину весь мир и вся природа есть ничто иное, как орган некий, в коем под видимостью невидимо пребывает присущим Сам Устроитель и Художник всего, действуя и видимо проявляя художество свое или в видимом и вещественном предоставляя взору разумных тварей невидимые и невестественные Свои совершенства и энергии" (Никадим Святогорец "Невидимая брань", гл. 21).

Ойкология. Поиск пространства

Николай Коперник и Чарльз Дарвин увели человека в покинутость пространства и времени, в рабство у собственного "я". Коперник был католиком, он забыл о том, что для человека мир не гео- и не гелиоцентричен, он христоцентричен. И поскольку Бог стал человеком на земле, наш мир стал теохристо-геоцентричным. Не веря в эту истину, человек бросает себя в мертвенность холодного, бесконечного пространства...

Три века спустя после Коперника явилась теория Дарвина. Это механистическая и материалистическая теория эволюции сделала историю безразлично-плоской, а время машинным.

Макс Тюркауф

"Ойкос" по-гречески значит "дом". Не потому ли и расцвела экология именно в наше время, когда человечество почувствовало себя совершенно бездомным.

Потеря корней, разрушение традиции привело к тому, что современный западный человек чувствует себя эмигрантом в любой стране. (Единственное его отличие от подлинных эмигрантов, что он не страдает от своей оторванности). Туризм - цель и мечта живущего "отпуском" человека - подменил паломничества. Этнография приручила и обезопасила чужие культуры и обычаи. Скорость, возрастающая из года в год, "съела" пространство.

Современная цивилизация убивает не только время (у людей постоянно нет времени), но и пространство.

Улицы, автострады, леса и поля - все превращается в сплошные проходы и переходы. Функционализм жизни привел к тому, что современный человек существует точно: работа, супермаркет, почта, банк, дом. Все измеряется не километрами, а минутами, необходимыми для того, чтобы достичь (на машине) цель.

Пространство в европейской философской традиции уже давно стало чем-то мертвым и нетворческим. Оно было отдано на откуп примитивному рационализму и вульгарной научности. Пренебрежительные высказывания о пространстве бергсонистов, философов жизни, экзистенциалистов завершают этот процесс.

Наука основана на пространственном мышлении - она оперирует тем, что подконтрольно, воспроизводимо, гомогенно. Наука и "воля к власти" - одно и то же, подконтрольным объектом легко овладеть. Вот резюме из многочисленных рассуждений на тему о пространстве.

Только в последние годы, не в последнюю очередь благодаря книгам Пригожина и Стенгер, пространство было "оживлено". Ученые показали, что наука занимается не только мертвечиной, что время существует и в природе (то есть, в пространстве), что пространственная природа способна к неожиданностям и творческим "скачкам".

Обеспредмечивание космоса рождает ностальгию по интимному и обжитому. По дому.

Как существует не только скучное и разрушительное время "прогресса", перехода "количества в качество", "спирали", но и кайрос, праздник, но и "лето Господне благоприятное", так существует и не только убогое пространство автострад, где люди видят друг друга со спины (у нас этому соответствуют очереди), но и родное пространство Дома, Храма, Родины, пространство, освященное приходом Бога.

И последнее замечание: сейчас у нас в стране много говорят об общечеловеческих ценностях и о важности христианской этики. Разговор этот не имел бы никакого смысла (ибо таких ценностей нет, а в христианстве главное - послушание, которое всегда "по ту сторону добра и зла"), если бы слово "этика" не означало первоначально места "обычного пребывания". Отсюда произошла и этика как привычка, обычай, нрав. Этика может существовать реально только тогда, когда вписана в пространство нетварных энергий, в космическую литургию различения добра и зла.

Мать - сыра земля

"Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг, как подкошенный, повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. "Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои", - прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и "не стыдился иступления сего". Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, "соприкасаясь мирам иным". Простить хотелось ему всех и за все и просить прощения, о! не о себе, а за всех, за все и за вся, а "за меня и другие просят", прозвенело опять в душе его... Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты".

Алеша Карамазов становится бойцом за дело Господне, приобщившись земле. Раскольников получает освобождение от внутреннего ада, прося прощения у земли. Хромоножка проповедует ту же "религию" матери- сырой-земли. И души их с трепетом соприкасаются мирам иным. Что-то вроде инициации совершается с теми, кто приобщился к тайне земли: они встают на ноги переродившимися, окрыленными, другими.

Если это и "язычество", то вполне христианское, ибо Господь Иисус Христос оживотворил в своем духовном теле все тело земли. В Евхаристии тело земли становится телом воскресения. Православная космология уже потому теоцентрична, что она христоцентрична. Во Христе соединилось несоединимое - метафизическое небо и панкосмическая земля.

Отдаленнейшие солнечные системы - только космическая пыль, которая вращается вокруг Креста. "...И голос Его - как шум вод многих. Он держал в деснице своей семь звезд..." (Откр 1.16). Земля - не только планета, она панкосмична, она символически раскрывает отношение человека к планетам, галактикам и т. д. Мир должен стать брачным чертогом, храмом и евхаристическим даром (см. Olivier Clement "Le Christ, terre des vivants").

Великая космическая мать

У многих народов, не имеющих между собой никаких исторических контактов, земля считается матерью всех людей. Самые ранние свидетельства человеческой культуры и религии посвящены Матери. Самые ранние культовые фигурки времен палеолита изображают материнские божества. Все живое рождено Матерью и питается ею. Это космический прачеловек. Земля - прежде всего, она воплощает собой материнское начало. У многих народов существует обычай закапывать маленьких детей (умерших до определенного возраста, в Индии, скажем, до двух месяцев) в землю, тогда как всех других умерших сжигают. Закапывая детей, ожидают их быстрого воскресения, рождения из земли. У многих народов существует также поверье, что душа умершего непременно возвращается в землю. Во множестве культур новорожденных и умирающих кладут на землю. Повивальную бабку называют "земляной матерью". Вечное повторение "Умри и будь" связано с матерью-землей.

Култ матери-земли был распространен повсюду: в Олимпе, Дельфах, Афинах почитали Гею. В Малой Азии мать-земля звалась Астартой, Дианой, в Египте - Изидой.

О связи человека с землей говорится и в библейской традиции: Адам взят из земли. Он прачеловеческое "земляное существо". Уже потом только возникли сегодняшние мужчина и женщина (Быт 2.7). Но в Ветхом Завете земля более не мать людей, а лишь сырье для их "изготовления". Патриархальный монотеизм Яхве разрушил матриархальный пантеизм более ранних религий благодаря мужскому пониманию

Творения. Структура осталась прежней - "земля еси и в землю отыдеши" - но изменился субъект.

Остался и символ пшеничного зерна: "Но скажет кто-нибудь: "Как воскреснут мертвые? И в каком теле придут?" Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет" (1 Кор 15.35-36).

Психоанализ земли

В двух своих книгах о земле: "Земля и сны воли" и "Земля и сны отдыха" ("La terre et les reveries de la volonte" и "La terre et les reveries du repos") французский философ Гастон Башляр дает развернутое описание архетипа "земля". Читая эти книги, невольно приходишь к мысли, сколь по-разному понимают "землю" люди Запада и люди России. Приведем примеры. Прежде всего, Башляр пишет о земле как о чем-то твердом и сопротивляющемся. Земля - партер нашей воли, ибо любое сопротивление требует от нас волевого усилия. "Мечты о земле - это мечты о власти и воле, они сконцентрированы в комплексе Медузы" (Т. 1. С. 12). Если сравнить с русской, да и не только с русской, а вообще с древней "материнской" традицией, то бросается в глаза противоположность в понимании земли. Не "враждебность, которая нам ближе всего остального" (Рильке), не сухость, а всепринятие и мягкость. Мать-сыра-земля характеризуется не застывшей, "медузой" сопротивляемостью. Она сыра и мягка, она не скупится, и щедрости ее нет пределов: "Когда любишь ее (землю.- Т. Г.), поишь - кормишь своим потом и трудом, земля никогда не обманет, и, если потом погрузить в нее руки, вот как сейчас, всегда найдется что-нибудь пригодное для еды. Когда-то, еще совсем молодой, она удивлялась и простодушно радовалась, какой нерасчетливо щедрой оказывалась земля: приняв крохотное зернышко, отдавала огромный турнепс, одно маковое семя превращалось в большую головку мака, набитую тысячами подобных семян. И ей становилось весело от надежности человеческой жизни, получившей в услужение себе такое доброе и обильное существо, и запах земли, запах свежей зелени были для нее осязаемыми признаками доброты бытия" (Анатолий Ким "Луковое поле"). А вот, наряду с художественно-символическим свидетельством, высказывается на тему бесконечности земли советский ученый Василий Робертович Вильямс: "Почва делает конечное количество элементов бесконечным. Происходит это потому, что почва задействована в целом ряде биосферических циклических процессов. Элементы, находящиеся в почве... могут вступать практически в неограниченное число контактов, образуя практически бесконечное число связей. Почва- составная часть почти всех биосферных круговоротов веществ. Новые данные говорят о том, что почва, возможно, играет в биосфере существенно более важную роль, чем считалось до сих пор" ("Знание - сила". 2.1988).

Отношение волевое и насильственное, о котором говорит Башляр (еще раньше него материю связал с волей Шопенгауэр), сегодня изобличило себя как преступное. И не только сегодня. Православная Русь знала жалость к земле. Вот ритуал исповеди и покаяния земле:

Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, разрывчатой,
Что не катом я укатывала,
Не урядливым гребешком чесывала,
Рвала грудушку боронушкою тяжелой,
Со железными зубьями ржавыми.
Прости, матушка,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа Честной Матери
Всесвятыи Богородицы.

Не надо много говорить о том, что стало с землей, с природой вообще, превращенной в объект прометеевского хищного использования. Слава Богу, мы живем в век экологического осмысления и покаяния.

Современный мир погряз в блуде труда, преданся фетишизму работы. Это мир истеричной и безостановочной деятельности. И здесь воля связана с разумом. Зависимость давно обнаруженная. Как писал Ницше, воля хочет вечного возвращения. И как комментировал его Хайдеггер: вечное возвращение - это возвращение логических законов. Разум может постичь только прошлое, только то, что остановилось. Механический характер сегодняшней европейской цивилизации - продукт возвеличивания воли и разума. Земля же недостижима ни для предприимчивого Фауста, ни для "дерзновенного" Прометея, ни для равнодушного "человека без свойств". Земля открывается слезам, беззащитности, податливости. Она вызывает к иррациональному в человеке.

По Башляру, ответ на "твердость материи" - сжатость рабочей руки, сила кулака. Работа принадлежит к атрибутам материи. Работа указывает с наибольшей конкретностью и точностью на причинно-следственные связи, господствующие в мире. Эти мысли Башляра типичны для западного отношения к реальности. Существовать для западного мыслителя значит наткнуться на границу. Негативное вдохновляет и на мысль, и на жизнь. Православная, восточная традиция - другая. Здесь не "контра" определяет направление сознания. В православной иконе нет теней, в православной аскетике нет туманных и двусмысленных переходов от зла к добру, и от добра ко злу. Здесь растут "из силы в силу" и преображаются из света в свет.

Аскетически-православное отношение к земле аристократично. Иерархия (даже в работе) ненарушима. Земля остается матерью-кормилицей. У нее просят прощения. Раб и господин у Башляра, по гегелевской формуле, меняются местами (у Гегеля благодаря абсолютному страху и работе раб занимает в конце концов место Господина). Духовно-аристократическое отношение основано на дифференции, то есть на несмешении (об этом говорили Деррида, Делез и т. д.). Раб остается рабом Божиим, господин остается господином, будучи, по-евангельски, слугой всех. Так безотказно нам служит госпожа-земля.

Как мы уже сказали, для Башляра земля и материя олицетворяют причинно-следственные связи. В сегодняшней перспективе ложность подобного утверждения становится вполне очевидной. Земля стала чем-то маленьким (в век космических скоростей), она, как никогда, беззащитна, нага. Перед лицом многих сегодняшних и грядущих катастроф земля выступает как целое. Холистический подход сегодня царит не только в теориях нью-эйдж. Причина и следствие меняются местами, они попросту исчезают, ибо событие совершается во всем объеме целого.

Но у Башляра есть не только "сны воли", но и "сны отдыха" идеи, которые нам могут пригодиться: о простоте земли, об интимности ее, о бесконечно малом земного. Эти мысли вплотную подводят к связи земли и Церкви.

Мать-сыра-земля и Церковь

Символ космического прачеловека перешел и в христианство. Непосредственной точкой соприкосновения была космология Стои, где мир - - видимое тело невидимого Бога, а Бог - невидимая душа видимого мира.

При этом сместился акцент: не в символах творения мира, а в христианских представлениях о спасении встречается мысль о пракосмическом человеке. "В Котором мы имеем искупление Кровью Его и прощение грехов. Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари. Ибо им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли - все Им и для Него создано. И Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви. Он - начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его

примирить с собою все, умиротворив через Него. Кровью креста Его, и земное, и небесное" (Кол 1. 14-20).

Развертывается космическая литургия, Христос становится главой, а вселенная Его телом, единство мироздания выявляет себя как единство одного человека. космического Адама. (Читай об этом: М. Urs von Balthasar "Kosmische Liturgie", Jurgen Moltmann "Gott in der Schopfung").

Церковь, "которая есть Тело Его, полнота, наполняющая все во всем" (Эф 1.23). становится "матерью всех верующих". Символ Церкви - Божья Мать. Дева Мария, освящающая собой и мать-землю. Как сказал святой Киприан: "Не может тот назвать Бога Отцом, кто не считает Церковь Матерью. Из ее лона мы вышли, ее млеком возросли, ее духом оживлены".

Церковь в сегодняшнюю эпоху можно еще в большей степени сравнить с живым организмом, чем это было раньше, во времена апостола Павла, во времена Вселенских Соборов или во времена Хомякова.

Сегодня мы видим, что смерть Бога и угасание Духа привели и к смерти всего живого (ибо только Дух Святой животворит). В едином, бедственном, положении оказались леса и воды, птицы и рыбы, поэты и мечтатели, дети и ангелы. Век технологии (а за последние 30 лет был сделан огромный скачок в этой сфере) объективировал последние островки спонтанности, интуиции, инстинкта. Компьютер вытеснил воображение. Искусственное подменило собой естественное. И во многих западных церквах стало холодно. "Институция", бюрократия победили и тут.

Восточная Православная Церковь всегда в большей степени несла в себе материнский дух (дух Матери Божьей), была более "марианской", чем "петрианской". И сегодня ее теплый, пещерный мир, мир мерцающих лампадок, естественных слез и таинственных песнопений позволяет забыть, что где-то есть бесчеловечное царство из неона, стекла и бетона.

В наше время даже такие далекие от христианства мыслители, как Хайдеггер, приходят к выводу: "Дух как Дух жизни должен быть еще более растением, чем само растение, и более животным, чем само животное" ("Комментарий к стихам Гельдерлина").

Дух, живущий в Церкви Божьей, постигаем лишь изнутри. Здесь нужна новая "философия жизни", новое разделение на внутреннее и внешнее. Божья Мать нам ближе, чем мы сами себе. Каждый, кто когда-то в молитве соприкоснулся с этим опытным фактом, скажет, что знание о Матери Божьей и о Церкви - самое интимное из человеческих знаний. Под "внутренним" мы имеем в виду, конечно, не психологический опыт, не опыт страстей, регрессии, романтизма. Это внутреннее интенционально. На самом деле его источник всегда лежит извне, в Откровении, Благодати, в Таинствах. Но это внутреннее нельзя объективировать, идеологизировать, превращать в механизм. Органическая Церковность конструируется благодаря непрестанному вторжению Святого Духа. И если уж говорить о возможной "философии Церкви", то ее метод будет противоположен методу Фихте и Гегеля. У Фихте субъект порождает сам из себя историю и реальность. Фихте движем пафосом внешнего покорения, мегаломанского рывка вперед, к бесконечно большому.

Бесконечно малое Церкви символизировано Евхаристией. "Атом" Евхаристии переворачивает весь мир. Бесконечно малое Церкви символизировано и образом Божьей Матери, самой "незаметной", молчаливой и кроткой. Вместе с тем "Чрево Твое пространнейшее небес". Она вместила в себя не только всю вселенную, но и того, Кто больше вселенной.

Если философия Фихте не имеет конца и должна быть бесконечно "раскручиваема" и дополняема, то философия Церкви может довольствоваться всегда самым ничтожным: фрагментом, жестом, мгновением. В каждой клеточке органического церковного бытия отражается вся Церковь. В каждом фрагменте - вся литургия, в каждом движении

церковного человека видна его церковность. Павел Евдокимов говорил о "православном инстинкте". Церковный человек безошибочно узнает другого церковного человека.

Во второй половине XX века это особенно важно - любить не только Бога, но именно Церковь, ибо Дух Святой воплотился здесь во всей конкретной силе. Через Церковь можно возродить и любую другую жизнь: "Всякое дыхание да славит Господа".

Путешествуя по всему миру с докладами о русской Церкви, я повсюду встречаю людей, чувствующих именно ее, Церковь. По их загорающимся глазам я понимаю, что и в Западной Европе знание о ней не умерло. Отошли в прошлое интерес к политике, к диссидентству, к феминизму, к марксизму, к поискам абстрактного "смысла жизни". Но все сильнее дает себя чувствовать братство людей, живущих в Церкви.

Как уже писалось не раз, объяснить, что такое церковь, нельзя. Это нечто совершенно простое (отсюда, особая интимность церковного опыта). Чтобы что-то сказать об этой простейшей "субстанции", нужно было бы постоянно преувеличивать и поэтизировать, впадать в барочные и прочие крайности. Ибо только так, через многословную апофатику, можно указать на противное ей - простоту. Конечно, нельзя забывать и о катафатическом языке Откровения, но это уже совсем особый, редкий случай.

Мы можем сказать, что живем в эпоху Святого Духа. Конечно, не в смысле Иохима Флорского или Мережковского, или Эрнста Блоха. Такое преобладание Святого Духа в наши дни мы можем интерпретировать лишь метафорически. Наступила эпоха радикально-апокалиптическая, эпоха выбора между жизнью и смертью. И выбор этот действителен не только для христиан. Если раньше наука еще считалась чем-то нейтральным, то теперь все большее количество ученых в смущении, а многие западные, увы, большей частью западные, ученые так и вообще стыдятся быть учеными. Природа перестала быть только "фоном" для отдыха и путешествий, через нее заговорил Дух. Сегодняшняя эмпирика апокалиптика сама по себе. Механистичности европейско-американской цивилизации, функционализму ее скудоумных институций противостоит, как никогда, первозданность и девственность остатков природного мира. Новизна и чудо - вот чем притягивает нас вечно обновляющая земля, не стареющая, щедрая, плодоносящая. Она сегодня несет рай и жизнь. Она в наши дни, как никогда, символизирует животворящий Дух Святой. "Побеседуй с землей, и наставит тебя" (Иов 12.8).

Православие и животные

Человек - существо принципиально незаконченное.

Сегодня ученые и философы часто говорят, что человек рождается раньше срока и рождается незавершенным, беспомощным. Ему бы еще два-три года повременить, тогда бы он смог быстро вскочить на ноги, как новорожденная лань, и побежать за взрослыми.

Беспомощным и незаконченным остается и зрелый человек. Это дало повод Гелену, например, сказать, что чисто биологически человек - "существо ущербное".

Интересно, что и св. Григорий Нисский разделяет эту мысль. Конечно, он говорит ("О сотворении человека"), что человек - в центре мира, что он - его хозяин. Бог недаром приготовил красивый космос, а затем уже создал человека: солнце, воздух, звезды должны служить человеку. Все эти стихии Бог сотворил одним словом, а для человека, действительно, постарался: Бог готовил для него материал, дал ему форму, цель. Вертикальное положение человека свидетельствует о его царском достоинстве.

И все же человек сотворен беззащитным, голым. И это важнее всего остального. Если бы он мог быстро бегать, как конь, или имел бы когти, как тигр, или клюв орла, он не нуждался бы ни в ком и ни в чем ("О сотворении человека"). А так ему нужна помощь других, размышляет дальше св. Григорий Нисский. И Бог дал ему в помощь животных. При этом устроил так, что человек и животные подходят друг к другу, образуют один "микромир". Человек достаточно высок, чтобы пользоваться конем, он гол, но может брать шерсть у овцы и т. д.

В основе экологического мышления св. Григория Нисского - своеобразный антропоцентризм. Человек - центр мира, но смысл его царственности - в его несовершенстве. Значит, человек должен смирять себя, потому что он уже смирен самим Богом.

Мысль св. Григория Нисского о животных можно перенести на технику. Стремление человека к совершенству привело к созданию технической цивилизации. Техника - это попытка победить пространство, время, саму смерть. Homo faber, подобно Фаусту, заключившему союз с чертом, работает бок о бок со смертью: от пирамид до операционных залов в современных госпиталях - все свидетельствует об их сговоре.

Есть и еще один момент, связывающий технику со смертью. Уже на примере животных можно видеть, что самые "технические" части у них образованы из неживого материала: клюв у птицы, когти у кошки. Эти "орудия производства" обладают необходимой нечувствительностью. Отсутствие жизни приводит к возникновению мертвой материи. Мир техники - мир мертвого. Окаменелые, застывшие, неизменные орудия обеспечивают нам определенную безопасность. Не игра и красота, а рационализм, функционализм и абстракция - вот законы этой болезни, техники. Это мир "подзаконного", далекий от благодати. Бог есть любовь, поэтому Божьи уверенность и защита конкретны, уникальны, подвижны. Техника же - кристаллизованно-одностороннее орудие человеческой озабоченности. Техника далека от любви, она часто служит страху и комфорту.

Человек забыл, что он создан несовершенным, недостаточным, поэтому и задыхается в отравленном им самим мире. Техника могла бы и служить человеку, как когда-то служили животные, но этот "царь мира" предпочел смерть, она надежнее и функциональнее.

Сегодня, наконец, когда человечество стоит перед лицом глобальных катастроф, философы, социологи, писатели, как на Западе, так и на Востоке, заговорили о необходимости нового отношения к технике. Даже люди, весьма далекие от церкви, призывают к покаянию, к выходу из "египетского плена" бездумного прогресса, к аскетике и благоговению.

Если уж человек - царь природы, то и должен поступать с ней по-царски, чему пример дал сам Царь Царей, Христос - не уничтожать, не разрушать и не паразитировать,

а служить и преображать. Техника должна вспомнить о своих корнях, она произошла не от избытка, а от недостатка.

Отношение к животным. Философский экскурс

Животным перерезают голосовые связки, чтобы более не слышать их крика.

Ойген Древерман

"Аристотель или Декарт? Я часто спрашиваю себя, кто заслужил большего осуждения в глазах моих современников? (Если бы они вообще их прочли). Первый, оправдывающий рабство "природой вещей", и второй, так потрудившийся над противопоставлением человека и животного, что стал рассматривать животных как простые машины" (Лук Ферри "Новый экологический порядок").

Пишущие о истоках садистски-потребительского отношения к природе часто начинают с XVII века. В это время Декарт, введя разделение между "вещью мыслящей" и "вещью протяженной", приговорил животных быть бездушными машинами. Декарт положил начало позднему разделению на субъект и объект и тем самым объективированно-бесчеловечному отношению ко всем существам, не наделенным картезианским "когито".

Лишь человек может чувствовать, познавать, сомневаться, страдать. Объекты же (то есть вся остальная тварь) бесчувственны, не способны к переживанию и опыту, мертвы. И животные, и тело человека относятся к миру неживых машин. Они инструментальны, человек, как хозяин мира и природы, должен заставить служить себе силы воды, ветра, земли.

Декартовскому "прометеизму" вторит любимый советской наукой Бэкон: "Знание - сила".

Другой философ, заложивший основы мировоззрения нового времени, Джон Локк, редуцировал свойства целого к сумме движущихся атомов и молекул. Дух был назван чистым листком бумаги, на котором нет ни следов традиции, ни намек на соборный, космический опыт. Таким образом, был провозглашен чудовищный индивидуализм, который усиливался с растущей секуляризацией европейской жизни. Соединившись с хюбрисом науки, он привел нас к тому, что имеем сегодня, вставших перед выбором "экология или варварство". Только сегодня мы стали понимать, что антропоцентризм, выродившийся в "гуманизм", означает тиранию и отрицание жизни. Справедлив вопрос французского философа Лука Ферри: "Возможен ли гуманизм не метафизический, не диктаторский?" Вся практика XX столетия - гуманизм большевистский на Востоке и "либеральный" на Западе - отвечает "нет".

Даже деление на материю и дух сегодня представляется грубым и невозможным. Вообще любой дуализм (а дуализм вовсе не принадлежит христианству, как принято иногда думать) опровергнут даже с позиций все того же нераскаявшегося картезианского "когито". Хайдеггер, Вайтхед, Нильс Бор, Гейзенберг, Вайцеккер и многие-многие другие вышли за пределы субъект-объектного дуализма.

Животные, как молчаливое и таинственное "другое", были использованы вначале романтиками, а потом и философией жизни в борьбе со скучным и пошлым рационализмом. В начале XX века в очередной раз началась "идеализация" природы, в частности, животных. В традиции Шопенгауэра и Ницше животное лучше, благороднее, честнее человека. "Белокурая бестия" - идеал грядущего, сверхчеловеческого будущего.

Рильке считал, что животные открыты целому бытия, что природа "рискует" больше всего, то есть более всего близка к истине.

Эпоха не любила слов и не доверяла речам:

Молчалива так и хороша

Темная звериная душа.

Мандельштам

В животных есть то обаяние первозданности, которое утеряно усталыми людьми, та языческая сила, от которой ждут творчества, прыжка в неизвестное, соприкосновения с другими мирами: "Мы ждем, что дыхание животных вдруг породит неслыханные слова" (Элиас Канетти).

Животные обладают инстинктами, человек - страстями. Но, как сказал еще св. Григории Нисский, страсть - это "очеловеченный инстинкт". "Последний человек, тот, что "моргает", лишен не только благородных чувств, но и всяческих страстей. Не способен не только на "подвиг, но и на "грех". "Последние романтики" (прежде всего Ницше) писали о страстях, желали, чтобы страсть была непременно "великой".

Бог умер, в еще большей степени умер и человек. Осталось лишь животное.

Животное- мир, замкнутый на себя. Своя судьба, своя безгрешность - если бы животные могли грешить, они стали бы святыми.

"Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божьих, потому что тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего ее - в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне" (Рим 8.19- 22).

Звери брошены в котел страдания, страстей и насилия лишь благодаря падению человека. Но если у нас есть долг любви, то почему же не признать за животными "право на бессмертие"?

Зверь начала века ЭСТЕТИЧЕСКИ благороден. Мир зверя - мир загадки. Красота, тайна, замкнутость животного мира вдохновили экспрессионистские "иконы" Франца Марка".

После первой мировой войны "философия жизни" сошла на нет, вернее, выродилась в идеологию и практику смерти.

Лишь в самое последнее время в культуре и философии опять появился "дискурс о звере". Только сегодняшний, "постмодернистский" разговор пронизан не столь эстетическими, сколь ЭТИЧЕСКИМИ мотивами. Вместо "философии жизни" возникла "философия исчезновения", вместо восхищения и идеализации - чувство вины и солидарности.

Богословы, указывая на гуманистическую гордыню исторического христианства, прибегают к другим, исчезнувшим, религиям. Характерен здесь пример самого популярного ныне в западном мире богослова Древермана (сразу же скажу, что с большинством других его идей я не согласна). Но его критика высокомерного "христианского" антропоморфизма достойна всяческого внимания. Платон (под влиянием Пифагора) еще считает, что не только человек наделен душой, ею наделены и животные. Вообще граница между "душой" человека и "душой" животного размыта.

Христианство, возвысив человека над всем остальным, порвало с этой традицией. Связь между животным миром и миром человека была разорвана. "И как всякая доктрина, эта, христианская, была слишком узкой, для того чтобы быть справедливой, она оказалась жестокой и на практике" (Древерман "О бессмертии животных"). Религия "любви" в действительности была гораздо менее любовной, чем, например, мифология древних египтян. "Для них животные были посланниками богов или персонификацией божественного, постоянно связанного с человеческим. Эта вера в единое начало всей жизни распространялась так далеко, что, когда египтянин умирал, он брал с собою в вечность всевозможных животных: кошек, крокодилов, птиц и т. д.". На том свете умерший исповедовался так: "Я не отнимал у животного ни корма, ни травы". "Я не обижал никакую тварь". Египетская этика дает животным право выступить с жалобой против человека. В одном из папирусов, найденных в пирамиде, написано: "Не найдено ни одной жалобы со стороны быка против Н."

Как правильно замечает Древерман, эти вещи совершенно немыслимы на христианском Западе. Если бы такая традиция и существовала, она должна была бы развиваться согласно Библии. В позднем иудаизме мы единственный и последний раз

наталкиваемся на ее след: в книге Еноха описывается, как на том свете животные обвиняют умерших людей.

В предисловии к французскому изданию книги Древермана Луиз Рансе пишет: "А в Новом Завете? Иисус Христос приходит в Иерусалимский храм. Он охвачен яростью, лучше сказать, ужасом. Он увидел обреченных на убиение животных, животных, приговоренных стать ритуальной жертвой: с перерезанными горлами, истекающими кровью. Иисус закричал: "Вы превратили дом молитвы в вертеп разбойников". Он мог бы сказать - в бойню...

Мы, христиане, считаем, что можно убивать животных, потому что у них нет души. Была и такая эпоха, когда в душе отказывали женщине или когда считали, что женская душа по природе ниже мужской".

Когда-то "дикари" в Мексике и даже в дохристианской Руси просили прощения у животного, которого должны были убить. Сегодня только маленькая часть общества возвращается к этому космическому чувству вины и солидарности.

Потому что мы вынуждены возвращаться, мы самой апокалиптичностью нашей эпохи (где стихии молча вопиют, время и пространство катастрофически исчезают) призваны к тому, чтобы отказаться от примитивно-индивидуалистического антропоцентризма.

Земле, как целому, грозит гибель. И первыми погибают самые невинные - уже погибли многие виды животных, от них остались лишь скорлупы - имена, безжизненность которых подчеркнута холодной латынью. "Его успокаивает, когда он произносит имена животных. Он гордится этими именами. Этот еще существует. Этого они еще не уничтожили" (Э. Конетти). Исчезнувшим жертвам посвящают стихи и романы.

Определенный минимализм - знак нашей эпохи. Исчезло настоящее, пропало время, нет более "априорных форм чувственности". Настоящее утеряно у Беккета (нет цели, конца времени), у Брехта (время должно было бы быть, но его нет), у Арто время покалеченное и израненное, оно уже невыразимо. Когда исчезает время, нет и причинно-следственных связей, нет и формы с содержанием. Невозможна никакая идеализация, которая мгновенно перерастает в идеологию. Сегодня не идеализируют животное, с романтических позиций "дикой страсти". И вместе с тем больше восхищение НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ бытием животных. Они не продают, не покупают, не рассчитывают, не играют ролей. В мире, где царит телевидение, то есть в мире опосредованном, непосредственность животных - что-то редкое, чарующее, сохранившее душу. И вместе с тем никогда так жестоко не убивали их - в крошечных клетках, где животное всю жизнь подвешено и распято; варварскими, никому не нужными "научными" опытами; садизмом "парфюмерных" экспериментов. Только закрытость от наших глаз всех этих новых способов эффективного доставания мяса и неслыханного производства боли обеспечивает нам "спокойный сон" и "чистую совесть". Анонимность страдания - одна из причин нашего человеческого равнодушия. Наш мир рассеял грех. Безличность и безличность государства, партий, рекламы, супермаркетов, компьютеров - все это противостоит единственности и недвусмысленности животного бытия.

В пустыне, где Господа искушал дьявол, он жил вместе с животными и ангелами. Сегодня весь мир стал пустыней. В нем все громче звучит голос Неба (ангелы) и Земли (животные), все тоньше граница между этим и тем мирами.

Святые о животных

Святой Макарий Великий: "Когда пал Адам и умер для Бога, сожалел о нем Творец. Ангелы, все силы, небеса, земля, все твари оплакивали смерть и падение его. Ибо твари видели, что данный им в царя - стал рабом сопротивной лукавой тьмы" (Добротолюбие. т. 1).

"Представь себе царя, у которого есть достояние и подвластные ему служители готовы к услугам: и случилось, что взяли и отвели его в плен враги. Как скоро он взят и отведен, необходимо служителям и приспешникам его следовать за ним же... А таким

образом по его пленению пленена уже с ним вместе служащая и покорствующая ему тварь: потому что через него воцарилась смерть над всякой душой и так изгладила весь адамов образ, что люди изменились и дошли до поклонения демонам" (Добротолюбие, т. 1).

Святой Симеон Новый Богослов (X век): "Все твари не хотели повиноваться Адаму - преступнику".

"Итак, тому, кто сдался тленным и смертным по причине преступления заповеди, по всей справедливости надлежало и жить на земле тленной и питаться пищей тленной.

...Видишь, как тогда приняла преступника земля, после того, как была проклята и лишилась первоначальной производительности, по которой плоды порождались из нее сами собой, без труда? И для чего? Для того, чтобы быть обрабатываемой им в потах и трудах, и так давать ему то немногое, что произрастает на потребу его, для поддержания жизни, а если не будет обрабатываема, оставаться бесплодной и произрастать лишь тернии и волчцы. Затем и все твари, когда увидели, что Адам изгнан из рая, не хотели больше повиноваться ему, преступнику: солнце не хотело светить ему, ни луна, ни прочие звезды не хотели показываться ему; источники не хотели источать воду и реки - продолжать течение свое; воздух думал не дуть более, чтобы не давать дышать Адаму, согрешившему; звери и все животные земные, когда увидели, что он обнажился от первой славы, стали презирать его и все тотчас готовы были напасть на него, и земля не хотела носить его более. Но Бог, сотворивший всяческая и человека создавший - что сделал? Зная прежде создания мира, что Адам имел преступить заповедь Его и имея предопределенную для него новую жизнь и во создание. Он сдержал все эти твари силою Своею и по благоутробию и благости Своей не дал им тотчас устремиться против человека и повелел, чтобы тварь оставалась в подчинении ему и, сделавшись тленной, служила тленному человеку, для которого создана с тем, чтоб, когда человек опять обновится и сделается духовным, нетленным и бессмертным, и вся тварь, подчиненная Богом человеку в работу ему, освободилась от сея работы, обновилась вместе с ним и сделалась нетленною и как бы духовною" (Т. 1. С. 373).

В книге Бытия (1.29-30) рассказывается о пище, которую бог изначально завещал людям и животным. Можно заметить, что как человеку не завещается вкушать мясо, так и среди животных нет еще разделения на хищных и нехищных. Н лишь с грехопадением человека появляется, вероятно, это разделение.

В пророчестве Исайи, где говорится о грядущем Царстве, это разделение снова снимается: "Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому". В том же пророчестве говорится об исчезновении недоверия человека к живому и живого к человеку: "И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на святой горе Моей..." (Ис 11.6).

Жизнь святых

Известно, что животные приходили к святым, ибо, по словам Исаака Сирина, "обоняли запах рая".

Медведи посещали преподобного Серафима Саровского. Да и не его одного. Вот рассказ о преподобном Сергии Радонежском: "Посещали его и медведи. Один медведь целый год приходил к нему, и пустынный делился с ним последним куском хлеба, когда же у него бывал лишь один кусок, он отдавал его медведю, а сам оставался голодным, потому что зверь неразумен и не понимает необходимости терпения и воздержания".

А вот о преподобном Германе Аляскинском: "Около его келий жили горностаи. Эти зверьки отличаются своей пугливостью. Но они прибегали к преподобному Герману и ели из его рук. Видели, как преподобный Герман кормил медведя".

В житиях святых можно найти бесчисленное множество рассказов о том, как святым помогали и служили львы, как их спасали своим молоком оленихи, как вороны приносили им хлеб. Возвращались райские взаимозависимости, когда царственное положение человека соделывало его священником для всей твари.

Животные не только "стенают и мучатся" вместе с человеком. Не только ждут усыновления и искупления (Рим 8.20-23), они уже способны вслед за святыми и мучениками проникнуть в новый эон, войти в церковь, дерзнем сказать - обожиться.

В житии св. Великомученика и целителя Пантелеймона рассказывается, что дикие звери не хотели нападать на юношу. Тогда были убиты и они. Их трупы были брошены на съедение птицам. Но птицы до них не дотронулись. Трупы животных долгое время лежали на солнце и оставались нетленными. Итак, мы имеем дело с мощами животных.

Говорящие "да"

То, что животные освятились вместе с человеком, говорит не только о наличии у них души (о чем пишут святые отцы), но и о начатках личностного, персонального. Адам дает животным имена. Но что есть имя, как не "икона" твари? Наименовать, назвать значит преобразовать, поднять до высшего, личностного бытия. Адам - первый епископ. Сам Господь называет себя пастырем овец своих, и звери в раю также знали голос Адама, также спешили к нему.

Важно отметить, что в большинстве дохристианских религий в качестве жертвы Богу приносились животные. В христианстве же Сам Бог жертвует Собой. Таким образом, Бог в лице Сына Своего отменяет ветхий закон и отказывается от принятия в жертву животных.

В своей "Небесной литургии" ("Liturgie celeste", Friant, 1982) Жан Ковалевский высказывает и второй аргумент в пользу "личного" начала у животных: Бог заключил завет с Ноем. Но, оказывается, не только с ним. "И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставлю завет мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми, вышедшими из ковчега, со всеми животными земными" (Быт 9.8-10).

Заключить завет? Что это значит? - спрашивает Жан Ковалевский, - это значит, что у животных тоже была возможность свободного выбора. Завет не заключают с теми, кто не может сказать "да".

И не только животные говорят "да". Есть в православной традиции тексты, повествующие о "свободном выборе" стихий. В печи Вавилонской "огонь устыдился лика Троичного". Посох Аарона расцвел, и "солнце познал запах свой". "Всякое дыхание да славит Господа". К концу мира, как пророчествовал Нил Мироточивый, стихии (из-за человеческого лукавства) станут напряженными, начнут спешить. День будет вращаться как час.

Своими космическими откровениями православие может по праву гордиться. Но тем страннее кажется нам, что "гуманное" отношение к животным установилось ныне прежде всего в северных протестантских странах. А в Греции, Сербии и России только святые и юродивые помнят еще о том, как было в раю. Часто религиозность наша вырождается в магический страх. Сколько нелепых и позорных мифов существует по поводу тех или иных животных - "козлов отпущения". В Греции, например, я увидела, как одна из монахинь регулярно убивает ящериц. На мой вопрос она ответила, что ящерица - почти что "дьявол", ибо она когда-то залезла в чашу с причастием.

Странно, но факт - облагораживание нравов связано с растущим безразличием и профанизацией, когда реальность, боль, сопротивление исчезают, когда Другое больше не угрожает, не влечет, не воспринимается всерьез. А хотелось бы, чтобы было наоборот, чтобы не человеческий нарциссизм был причиной "хорошего отношения" к твари, а "сердце милующее", сострадающее всякому страданию, плачущему о стенаниях всего космоса.

Эколитургика

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия,
Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад светел месяц из груди его;
Звезды чистые от риз Божьих;
Ночи темные от дум Господних;
Зори утренни от очей Господних;
Ветры буйные от Свята Духа;
У нас ум-разум Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного.
Стих о голубиной книге

Бытие проявляется. В этом его несовершенство и греховность. Как сказал Жан-Поль Сартр, все существует из-за слабости или только потому, что нет сил умереть. Бытие, лишённое смысла, а таково оно и у Сартра, и у многих сегодня, всегда лишнее. До тошноты навязчивое. Чем меньше бытия, чем оно менее связано с иерархией ценностей, тем более нагло оно заявляет о себе.

Бытие в его смирении, если бы такое было, не должно было бы проявляться, ибо правая рука не знает, что делает левая.

Бог - противоположное простой случайности бытия. Он - высший смысл. В своей абсолютной отдаленности Бог совершенно необходим. "Единое на потребу" - вот что такое Бог. Богу свойствен переизбыток бытия, роскошь. Сила благодати, изобилие смирения.

Это ведет к невидимости Бога. Его сокрытости.

Бог для человека может заявить о себе только ничтожно и через ничтожное: через пустой гроб, нищету, пустыню. Через Распятие и Крест. Духовная плотность Бога столь велика, что иначе Он не может выразить себя. Подвижник идет в пустыню, чтобы опустошить себя для сверхобильного и сверхплотного Бога.

Церковь - это прежде всего Евхаристия, наиболее плотное Тело в этом мире. В бесконечно малом кусочке Святых Даров спрятан Тот, Кто больше мира. Церковь как Тело Христово сверхбогата плотностью. Отец Павел Флоренский пишет: "Самая неопределенность церковности, ее неуловимость для логических терминов, ее несказанность не доказывают ли, что церковность - это жизнь... ведь церковь есть тело Христово, "полнота наполняющего все во всем"" (Еф. 1.23).

Немного дальше отец Павел замечает: "Но жизнь церковная усваивается и постигается лишь жизненно, не в отвлечении, не рассудочно. Если уж надо применять к ней какие-нибудь понятия, то ближе всего сюда подойдут понятия не юридические, а биологические и эстетические".

Начало века и сам Павел Флоренский остановились, прежде всего, на "эстетике" церкви (критерий церковности - красота), наше же время все чаще подводит нас к мысли о том, как близки структуры церковного и биологического.

Сначала умер Бог, потом культура, сейчас умирает природа. Если в XVII- XIX веках природа считалась чем-то внешним, изначально объективируемым (Декарт, Бэкон, Гоббс, Гегель), она сегодня предстает перед нами в совершенно иной ипостаси. В наш апокалиптический (то есть откровенный) век природа из объекта использования и надругательства превращается в субъект. Страдающий, обличающий, исчезающий и в исчезновении своем вновь заявляющий о себе.

Сегодня неловко говорить не только о "прогессе", но и вообще о "науке", забывшей, что земля, тело, стихии - это нечто живое.

Сама плоть стала более красноречивой, чем обескровленный дух. Замолчали богословы, заговорили камни. Появились мифологические таинственные болезни: рак, СПИД.

Органика жизни неизбежно разлагается цивилизацией, чьи ценности определяются пользой и властью. Организм постигается только тогда, когда смотришь изнутри. Это тайна, которую можно лишь пережить. Она не расчленима анализом. Механическое же (господствующее ныне) мировоззрение построено по принципу дурной бесконечности объективации и причинно-следственных связей.

Эта чудовищная революция произошла в новое время, когда на смену цельному и органическому взгляду на мир пришел грубый механицизм.

Философы нового времени: Декарт, Гельвеций, Ламетри и т.д. - превращают органический космос в механическую структуру, состоящую из пассивной и инертной материи. Природа освобождается от индивидуальных духов, взаимоотношения симпатии-антипатии заменяются причинно-следственными связями. После подобной вивисекции космос превращен в холодный, разлагающийся труп, в систему, где движется множество частиц. Каждая из них подчиняется закону инерции и может передвигаться лишь благодаря внешнему контакту с другим телом. Фактически, движения больше не существует, ибо Ахиллес не только никогда не догонит черепаху, он вообще не может сдвинуться с места: даже абсолютно малое расстояние между механическими телами бесконечно. Контакт здесь - это разделение пустотой, ничто.

Нужно тут же заметить, что эта пустота не имеет ничего общего с "разверстым гробом" и мистическим ничто. Та апофатика - от изобилия, здесь же - мир призраков и низших демонов небытия.

Прекратилась жизнь, иссякло движение. Движение не только души, но и страстей. Декарт и его последователи отвергли неконтролируемую страсть и спонтанность. На их место пришли кальвинистски-буржуазные ценности самоконтроля, воздержания, суверенного права. Польза стала знаменем времени. Контролируемость механических процессов позволяет владеть ими. Принцип количества создает гомогенную среду, где все унифицируемо и подвластно контролю.

Плоть, рассеченная на неживые материальные частицы, перестала быть плотной. Оставаясь непроницаемой, она была превращена в ничто. Философия нового времени ударила прежде всего по Духу, но Дух в христианской традиции неразрывно связан с плотью. Исчезла и она. Хомяков замечает, что тело - от целого. Разрушив целое органического мирозерцания, мы оказались в мире разорванном, наспех склеенном неким злым богом-шизофреником.

Плотность миру может возратить лишь то, что осватило саму плоть, - Слово, воплотившееся и образующее тело Церкви. Св. Игнатий Богоносец так пишет о плотности Церкви: "Итак, старайтесь плотнее собираться для благодарения Бога и славы. Ведь когда вы бываете плотно на одном месте, то счищаются силы Сатаны и устраяется гибель его в едино-мыслии вашей веры".

Механический взгляд на мир, лишив вещи смысла, сделал всю вселенную бесстыдно-прозрачной. Гомогенно-бескачественная среда, в которой живет современная цивилизация, отличается отсутствием чувства реальности, ибо это чувство рождается от сопротивления. Поскольку власти человеческого рассудка нет границ, ничто не встает на пути наглого и агрессивного шествия его по прозрачной вселенной. Мегаломанские проекты бесплотного механического гиперреализма обрываются там, где начинается бесконечно малое органической жизни.

Механицизм - движение вовне, организмизм - движение внутрь. В организме царит истинная демократия: все члены важны и выполняют свои функции (1-е Послание к Коринфянам св. апостола Павла). Но эта демократия иерархична, поскольку подчинена единому смыслу, единой энтелехии. В механизме, наоборот, нет ни демократии, ни иерархии. Здесь царит принцип власти и подчинения, объекта и субъекта, диалектики (да,

именно механический взгляд на мир породил рабскую диалектику, где добро непременно нуждается в зле, чтобы быть еще более добрым).

В организме любая часть воспроизводит целое. Так познается и подлинная церковность: через прыжок в нее, как в некое Целое, как в "жизнь". Церковный человек церковен органично - каждое его движение, мысль и вздох окрашены церковностью, ибо идут изнутри. Церковь не только органична, она органична в особой степени. Клодель хотел предупредить нас против прямого понимания метафоры: "Церковь - это тело". Ибо в теле палец ноги, например, не может быть целым, тогда как в Церкви каждый из ее членов представляет собой все целое. "И как тело Христово целиком присутствует в частице Причастия, так и всю Церковь, именно всю, можно видеть в лице любого из христиан, она дает услышать себя, говоря его голосом и "именует себя". *Prefecta mea*. Мария в момент боговоплощения уже была всею Церковью" (Клодель "Эммаус", 1949).

В Церкви часть еще больше зависит от целого, чем в обычном теле. Здесь принцип органической зависимости поднят на еще более высокую ступень.

Органика естественна. В европейской же науке и философии победил принцип искусственного конструирования. Его идеально выразил Кант, сказав, что субъект строит свой мир. А вещь-в-себе так и остается непознанной им. Чем более удален от нас предмет, чем он нереальнее, абстрактнее, негативнее, тем лучше он "понимается".

Декарт хотел уничтожить все сомнения, но вместо этого внес в европейскую философию принцип сомнения. *Cogito ergo sum*. Я мыслю, следовательно, не существую - так надо было бы сказать. Разум, лишенный опоры, может лишь сомневаться и колебаться. Таким разумом легче всего познать мертвое, поэтому в современной французской мысли познание названо "убивающим" (Тодоров).

Наш мир "научного познания" есть существенно мир непонимания. И все дальше и дальше уходит от нас реальность. Корпускулярно-волновой дуализм прочувствовать уже нельзя. Мы понимаем, не понимая. Православие (в отличие от более абстрактных: католицизма и протестантизма) основывалось на опыте. Прежде всего, на опыте литургической жизни и очевидности. Собственно, именно в литургии мы понимаем то, что нам ближе всего, что всего интимнее и роднее. Поэтому Церковь и питает нас, и окутывает своим материнским теплом.

Церковь - полнота. Если нет Церкви, то пустое пространство заполняется пародией жизни, абстрактным ритуалом, псевдосакральностью. Этим особенно отличается современное западноевропейское общество, позабывшее, что такое искренность. Экологическая тематика стала модной. Феликс Гуаттари (Felix Guattari "Les trois ecologies". Galilee, 1989) предлагает новый философский подход, который он назвал экософическим. Он справедливо пишет, что все прежние противоречия и конфликты теряют свое значение перед лицом умирающей жизни. Прошло время, когда мир находился под эгидой антагонизма "Запад - Восток". Антагонизма "буржуа - рабочий". В наше время все одинаково подвержены опасности. Установка на выгоду, утилитаризм устарели повсюду, как в странах капиталистических, так и в странах социалистических. Мир стремительно европеизируется. Повсюду мы встречаем то же: установку на рационализм, диктатуру масс-медиа, те же молодежные моды, ту же рок-музыку, тот же язык. И ту же опасность самоуничтожения.

Подлинное понимание - это не картезианская, рационалистическая логика, захватившая весь мир, - пишет Гуаттари. Но это и не психоанализ, который не справляется с проблемой творчества, с проблемой нового и с проблемой подлинной любви. Психоанализ способен двигаться лишь в замкнутом кругу регрессивных неврозов, а нам оттуда пора выходить. Гуаттари отвергает и еще один метод философствования: феноменологию. Редукционизм феноменологии превращает ее объекты в "чистые", пустые трансценденции.

То, что остается, - это искусство. Оно способно оживить реальность, восстановить целостный взгляд на мир, постичь новое. Так думает французский философ Гуаттари.

Наш же взгляд идет дальше. Основа всякого искусства - в религиозном опыте. И очень легко показать, что именно литургический опыт преодолевает ограниченность всевозможных старых и новых философских подходов. Литургический опыт целостен, он определяет всю жизнь человека. Поэтому так важно посещение литургии (хотя бы по воскресеньям). Как сказал один русский священник, у каждого православного христианина должно возникать чувство пустоты, если он в воскресенье не был в церкви.

Целостный подход к человеку - подход внутренний. Здесь грех уничтожается не какими-то запретами, табу и морализированием. Он исчезает, когда человек возносится на новую ступень жизненной иерархии. Это и есть обращение, преображение и покаяние.

Литургический опыт не замкнут (подобно психоаналитическому), а разомкнут на Бога, он всегда нов и творчески свеж. Он трансцендирует за свои собственные пределы, как трансцендирует сама жизнь (вспомним хотя бы определение "жизни" в философии Георга Зиммеля).

Бога можно было бы считать интернациональным объектом литургического опыта. Но этот интернациональный объект - не абстрактная трансценденция. Он настолько жив и конкретен, настолько всемогущ, что это Он направлен на субъект, а не субъект на Него.

Литургический опыт не редуцирует (что неизбежно при любом философском подходе), ибо он уже исходит из бесконечно малого. Неуловим дифференциал литургического жеста и символа, как неуловим бесконечно медленный рост органической ткани. Литургия неподвижна как лес, но как лес, она жива и растет.

Литургия природы. Особенно понятно это выражение русским. Русский пейзаж волнует своей созерцательностью, духовностью. Церкви наши строились в особо красивых местах, они органически вписывались в окружающую природу. Монастыри возводились в лесах, где каждая травка и древо славили Господа.

Природа была продолжением литургии, здесь исключался всякий дуализм духа и тела.

Но и мы, русские, не избежали общей участи. Картезианская цивилизация разрушила нас не в меньшей, а может быть, и в большей степени, чем разрушила Запад. И у нас (как пишет Вл. Соловьев) материя превратилась либо в демоническую госпожу, либо в рабу человека. И лишь любовью можно восстановить утерянный синергизм ("Смысл любви").

Св. Симеон Новый Богослов пишет: "Смерть тела - отделение от нее души, смерть души - отделение от нее Святого Духа". Природа сегодня - продолжение нашего тела. Она не объект страха или использования. Сам человек сегодня страдает как часть космоса, как существо экологическое. И вместе со всей тварью страдает Бог.

Приложение. Святые и животные

На основе "житий Святых", составленных Юстином Поповичем (Архимандрит Юстин Попович: Жития святых (12 томов). Белград, 1973 г. Издательство монастыря Келие)

Георгий Хозевит (8 января): "Один раз он увидел перед дверьми своей кельи лежащего льва. Он не испугался и толкнул льва ногой, говоря, чтобы тот отошел в сторону. Лев не хотел, а только по-дружески зарычал. Святой сказал: "Хорошо. Поскольку ты не слушаешься, то сейчас проверим то, что сказано: "Зубы львиные сокрушил Господь". - Открывай рот и увидим". Лев раскрыл рот, и святой своей рукой пощупал зубы. На что лев встал и удалился".

Феодосий Великий (11 января): "Он был скорым помощником не только людям, но и бессловесному скоту. Однажды путешественник вел с собою осла. Навстречу им вышел лев. Лев набросился на осла, даже не обращая внимания на присутствие хозяина. Путешественник в ужасе громко крикнул: "Помоги, человек Божий, Феодосий!" Когда лев услышал имя святого, он остановился и ушел в пустыню".

Мученица Татьяна (12 января): "На следующий день мучители в театре напустили на Татьяну ужасного льва. Но лев, вместо того, чтобы растерзать ее, ласкался около Татьяны, облизывая ей ноги. Когда льва повели назад в клетку, он неожиданно бросился на знатного сановника Евмания и растерзал его".

Лука Элладский (7 февраля): "По дороге на него напал змей и укусил его. Но святой сказал змею, что все мы - твари Божьи и должны делать доброе, а не злое. Потом отпустил змея, и оба они разошлись невредимыми".

Павел Фивейский: "Его хотел навестить святой Антоний. Он не знал пути и пошел наугад. Его встретила волчица и на вопрос "где живет Павел Фивейский", указав направление, поклонилась и ушла". Когда Антоний был у Павла, ворон, который каждодневно приносил святому половину хлеба, в этот день принес целый хлеб.

Когда Антоний второй раз захотел посетить Павла, то застал его уже мертвым. Он не знал, как его похоронить, не имея лопаты, чтобы вырыть могилу. В это время из пустыни показались два льва, которые безутешно рыдали над телом мертвого Павла. Когда святой был похоронен, они лизали руки святого Антония, прося благословения. Святой их благословил, и они удалились".

Антоний Новый (17 февраля): "Его мощи, не зная, где их положить, водрузили на телегу, впрягли двух волов. Они пошли далеко-далеко в город Вирию, в родной дом святого".

Макарий Александрийский (19 февраля): "У святого появилась гиена, принесла с собой слепого младенца. Дотронувшись до него, преподобный открыл ему глаза. На другой день гиена из благодарности принесла святому шкуру овцы. Святой не хотел принимать подарка, пока гиена не обещала, что никогда не будет убивать и грабить скот. Гиена смиренно и покаянно легла, показав этим, что принимает упрек святого".

Неофит Мученик (21 февраля): "Младенец Неофит хотел удалиться от мира на Олимпийскую гору. Он вошел в пещеру, где жил лев. И попросил льва уступить ему место. Лев облизал ноги святого и ушел. Некоторое время спустя, когда святого мучили, на него напустили страшного льва, который был пойман на Олимпийской горе и две недели оставался без пищи. Лев побежал, чтобы растерзать Неофита, но вдруг остановился, начал лить слезы и лизать ноги и руки мученика. Оказалось, это был тот самый лев, который уступил святому пещеру. Святой приказал ему возвратиться в свою пещеру и больше не нападать на людей. Лев поклонился и ушел". Затем на святого напустили медведя и медведицу, которые тоже поклонились святому и ушли".

Герасим Иорданский (4 марта): "Однажды к святому Герасиму пришел хромающий лев и показал лапу с занозой. Святой вынул занозу, и лев остался жить у него. Его

послушанием было охранять ослика, который приносил воду. Однажды лев заснул, и ослика украли. Святой Герасим думал, что ослика съел сам лев. Он наказал льва тем, то приказал ему носить волю вместо ослика. Лев долго исполнял приказанное, но однажды шел мимо караван, и лев узнал своего ослика. Обрадовавшись, он привел его к святому Герасиму. Когда святой умер, то печальный лев не хотел удаляться от его могилы и сам скончался на этой могиле".

Павел и Юлиана (4 марта): "Мучители натравляли на них змей, но те не хотели кусать святых".

Священномученики Херсонские, Василий и еже с ним (7 марта): "Много дней тела мученика Василия и его друзей лежали непохороненными, но невредимыми: волк их охранял от собак, а орел от небесных птиц".

Симеон Новый Богослов (12 марта): "В монастыре, где святой Симеон был настоятелем, монах Арсений убил двух ворон, которые ели пшеницы. Святой приказал повесить убитых ворон убийце на шею".

Венедикт (14 марта): "Старец Венедикт ежедневно кормил ворона. Однажды от ненавистника он получил отравленный хлеб. Он приказал ворону отнести этот хлеб подальше, так чтобы никто его не нашел. Но ворон боялся, потому что отравка была очень сильна. Святой сказал ему, чтобы не боялся. И ворон послушался, но все еще боялся. Часа через три он вернулся покушать".

Мученица Дарья (19 марта): "Дарью царь Нумериан заключил в блудилище. Но там появился лев, который принялся охранять ее. Одного блудника он поверг на землю и, топтая ногами, все смотрел на Дарью, ожидая ее повеления. Она повелела оставить его в живых. То же случилось и с некоторыми гладиаторами. И все они обратились в веру. Разгневанный мучитель решил поджечь блудилище, чтобы и лев, и Дарья сгорели. Лев испугался, но Дарья его отпустила, и он вышел невредимым, а ее замучили".

Мученик Никон (23 марта): "Привязали Никона к хвостам разъяренных лошадей, чтобы те разорвали его. Но он перекрестил лошадей, и их гнев сменился на кротость. Мучитель в гневе приказал перерезать лошадям жилы на ногах. Лошади заговорили и сказали, что их убивают Никона ради и во славу Божию. Когда же мучитель поехал в город Панторму, в пути его растерзали собственные лошади".

Василий Новый (26 марта): "Мучители хотели его утопить в море. Но появились два дельфина и вынесли его невредимым на берег".

Мария Египетская: "Когда преподобный Зосима нашел Марию Египетскую в пустыне, и разговаривал с ней, вдруг появился лев, стал умиляться и лизать святой ноги".

Артемон Лаодикийский (13 апреля): "Когда святого Артемона повели в тюрьму, по дороге он дал указание одному оленю известить епископа о его заключении. Олень исполнил повеление и, придя к епископу, заговорил человеческим голосом. Потом, когда святого мучили, появился тот же олень и изблещил мучителей перед всем народом".

Великомученица Ирина (5 мая): "Святая Ирина сидела в своих покоях. Вдруг сквозь окно влетел голубь и бросил на стол оливковую ветвь. Немного спустя появился орел с венком из разных цветов. И наконец ворон с маленькой змеей, которую он тоже опустил на стол. Домашний учитель Ирины, тайный христианин, так растолковал знамения: голубь означает кротость твою и доброту, масличная ветвь Божию благодать, которую ты получишь в святом крещении, орел означает царя - ты будешь царствовать над страстями своими. А венец - это венец вечной славы, который получишь от Христа-Царя. Ворон означает дьявола и предвещает тебе лютое, как змий, гонение.

Когда Ирину отдали на пытки, ее отец, император, приказал бросить святую под ноги разъяренным лошадям. Но одна из лошадей набросилась на императора, оторвав зубами его правую руку и затоптав его копытами. Потом тихо вернулась на свое место, и лошади стали кроткими, как ягнята. Лошадь еще сказала человеческим голосом: "Блаженна ты, Ирина, голубка Христова, поправшая змея"".

Симеон Столпник (24 мая): "Святой жил в диком лесу, скрываясь в горе. Звери служили ему. Однажды недалеко от жилища святого лев напал на путешественников. Но, услышав из их уст одно имя "Симеон", он их оставил в покое. Потом святой попросил льва удалиться, чтобы не пугать посетителей. И тот послушался".

Зосим Финикийский (8 июня): "Зосим пошел однажды в Кесарию, нагрузив ослика товарами. По дороге на них напал лев и утащил ослика. Когда святой нашел льва, ослик был уже съеден. Святой сказал льву: знаешь, друг, я стар и носить поклажу не могу. Ты должен мне помочь, поскольку погубил моего ослика, и принести вещи в город. А потом отпущу тебя назад, в пустыню. Так оно и было".

Мученица Голиндуха, персиянка (12 июля): "Голиндуха была брошена на съедение страшной, громадной змее. Но та стала кроткой и лежала у ног мученицы 4 месяца, никого не подпуская к ней".

Элие (14 июля): "У всей братии на глазах его два раза перевозил через быструю реку на своей спине крокодил".

Мученица Кристина (24 июля): "Волхв собрал скорпионов, чтобы они напали на мученицу. Но скорпионы Кристину не тронули, послушно расползаясь во все стороны".

Евтихий и Флорентий (23 августа): "Евтихий и Флорентий жили вдвоем в пустыне. Евтихий был духовником, а Флорентий очень простым и послушным. Потом Евтихия избрали настоятелем ближнего монастыря, но он оставил Флорентия в пустыне охранять их церковь. Флорентию было трудно одному, и он молился Богу, чтобы ему друга послал. Однажды, выходя из церкви, у дверей он встретил медведя, стоявшего кротко с опущенной вниз головой, показывая, что пришел послужить ему. Флорентий дал ему послушание пасти пять овец. Кушание медведь получал, когда с овцами возвращался с пастбища. В постные дни Флорентий хотел, чтобы и медведь постился до трех часов дня. Поэтому ему было приказано возвращаться с овцами в три. А в другие дни было велено пасти овец до двенадцати. Медведь хоть с трудом, но выдерживал голод. И ни разу не возвращался раньше времени. Про Флорентия и медведя стало известно по всей окрестности. Многие стали ценить Флорентия как человека Божьего. Лютая зависть против Флорентия появилась у некоторых монахов Евтихиева монастыря. Четверо из них сговорились и убили медведя. Но они были наказаны так, что умерли, пораженные страшной проказой".

Симеон Столпник (1 сентября): "В горе, где подвизался святой Симеон, устроила себе жилище большая змея, из-за которой на том месте даже и трава не росла. Однажды в правый глаз змеи попала заноза. Мучимая болью, змея доползла до столба преподобного, легла у ограды и все кивала головой, смиряясь и прося о милости. Было достаточно одного взгляда святого, чтобы заноза выпала из глаза змеи. Змея еще три дня лежала под столпом, как овца. И мимо идущие без страха удивлялись чуду. После трех дней исцелившаяся змея возвратилась в свою нору и людям больше не вредила.

Однажды охотники на горе святого Симеона увидели серну и закричали ей: именем святого Симеона, остановись и подожди нас! Поскольку и животные чтят святого, серна так и сделала, и охотники убили ее. За это они были наказаны потерей голоса. Избавились от наказания только после двухлетнего покаяния у ограды святого Симеона".

Иоанн Кукузель (1 октября): "Иоанн владел прекраснейшим голосом и был поставлен начальником певцов в императорском дворце. Но он покинул дворец и тайно ушел на Афон, в лавру святого Афанасия, где никому не объявлял о себе. Ему поручили пасти коз. Годами он прожил пастухом в пустыне афонской, погруженным в молитву и счастье. Однажды он не мог удержаться от радости, думая, что никто его не слышит, и стал петь. Козы обступили его и долго стояли без дыхания, околдованные красотой пения своего пастуха. Бывший невдалеке пустынный увидел стоящих в таком странном положении коз. Так был открыт талант Иоанна Кукузеля".

Мученики Тарах, Пров и Андронник (12 октября): "В театре на мучеников напустили зверей. Но они к мученикам не прикоснулись. Проконсул приказал бить слуг и

привести самых жестоких зверей. Один медведь подошел к мученикам и лизал их раны. Он не разъярялся, даже когда сами мученики старались его раздражить. Также сделала и нарочно привезенная из Антиохии славившаяся своей злобой львица. Когда слуги пытались ее раздражить, она бросилась на двери и сгрызла их. Вся присутствующая в театре публика заступилась за нее и за мучеников".

Ианикий Великий (4 ноября): "Преподобный Ианикий был с монахами в пустыне. Вдруг там появился необыкновенный по размерам козел. Монахи подумали, что из такого козла можно было бы сделать мехи для вина, и стали думать, как схватить козла. Преподобный, видя в духе помышления их, приказал одному монаху привести козла. Тот спросил, что мне делать, если козел попытается убежать? - Ты не беспокойся, - ответил святой, - предстань только перед ним, и козел сам подойдет. Потом он обратился к монахам: Удобна ли козлиная шкура для изготовления мехов? Те ответили: да, очень. И мы об этом думали прежде, чем ты, отче, сказал. Когда монах привел козла, то Ианикий стал гладить животное, которое ласкалось к нему. А монахов поучать, чтобы были милостивы к Божьей твари и чтобы следили за своими желаниями и помышлениями. Потом с миром отпустили козла в пустыню".

Иоанн Молчаливый (3 декабря): "Иоанн жил в пустыне Палестинской, в V веке. Во время вторжения в Палестину разбойников-сарацинов, из-за которых из пустыни убежали все монахи. Но Иоанн, примирившись с судьбой, не хотел удаляться из своей пещеры. В эти дни у Иоанна появился очень сильный лев, который охранял его день и ночь. Сколько бы раз варвары ни нападали на святого, лев всегда обращал их в бегство. Так лев и сохранил Иоанна во все время бедствий".

Спиридон Тримифундский (12 декабря): "Когда святитель ехал на Первый Вселенский Собор, он ночевал в одной гостинице. Ариане тайно убили двух его лошадей, намереваясь помешать ему приехать на Собор. В злости они даже отрезали лошадям головы. Но Спиридон приказал слуге приставить отрезанные головы к трупам лошадей, а сам стал молиться. Слуга поторопился и присоединил голову белой лошади к крупу черной, а черную голову к белому коню. Лошади выздоровели, святой продолжил путь, а все, видевшие несоответствие голов и туловища, дивились чуду".

В качестве примера была рассмотрена лишь малая часть из "Житий святых". Несомненно, что чудесных случаев, связанных с животными, гораздо больше. В заключение хотелось бы рассказать о святом Феофиле, жившем в Киеве в XIX веке. Рассказ записан со слов очевидцев. Он еще не подвергся никакой стилизации, и покоряет своей достоверностью.

"Когда Феофила приехал навестить Иван Катков, то, исповедовавшись и рассказывая старцу о своих делах, упомянул и о приобретенном им молодым бычке, весьма строптивого нрава.

- Купил я, батюшка, бычка. Думал для себя оставить, да не знаю, что с ним и делать: одурел, скотина, совсем, на всех с рогами лезет. Хочу зарезать, да жалко.

- А ты мне его подари.

- Вам?.. Помилуй Бог, да к нему и приступить нельзя! Сколько людей уже искалечил...

- Очень просто. Подойди к нему и скажи: "Эй, бычок! Отныне ты не мой, а отца Феофила. Собирайся в гости к нему..."

Мясник так и сделал. Подошел, по возвращении домой, к бычку, повторил сказанные старцем слова, и доселе фыркающий и озверевший бычок сделался кроток, как ягненок: смиренно стал ласкаться и лизать хозяину руки.

Получив бычка, блаженный смастерил себе небольшую удобную телегу, сзади которой устроил на обручах крытую парусиной будочку, и стал путешествовать на "бойкуне" по городу. При этом старец никогда не садился впереди, а всегда сзади, спиной к быку и, укрепив на возу маленький аналойчик, опускался на колени и читал дорогой Псалтырь. Но вот что удивительно. Бычок не имел никакой упряжи, ни вожжей, одно

только ярмо, и точно мысленно предугадывал намерения своего хозяина, без всяких с его стороны возгласов и понуканий доставлял старца именно туда, куда ему была надобность: либо на Подол, в Братский монастырь, либо в святую Лавру. И такой, говорят, умница был - ни за что на камень не наедет, а увидит бугорок, рытвину или канаву, непременно стороной обминет, чтобы угодника не потрясти.

Когда Феофил впал в немилость, у него отобрали бычка и препроводили в экономию, присовокупив к Лаврскому стаду, а самому блаженному запретили появляться в Голосеевской пустыне, а вместе с тем и бродяжничать. Но с того дня, как бычок был помещен в монастырское стадо, появился такой необычный падеж скота, что лаврский эконом потерял всякое самообладание и положительно не знал, что ему делать. Стали приглашать ветеринарных врачей, предполагая, что в стаде появилась эпидемическая болезнь, но врачи, осмотрев животных, нашли их без всяких существенных повреждений. Между тем скот продолжал падать. Тогда более глубокомысленные решили доложить об этом митрополиту Филарету. Владыка позвал эконома и поинтересовался, с которого дня начался падеж скота. Эконом ответил, что с того самого дня, как отобрали быка у Феофила и присоединили к общему стаду. "Вот как!" - воскликнул Владыка и приказал немедленно удалить из стойла быка. Когда это было сделано, то, к общему удивлению, падеж скота тотчас же прекратился. Бычок же был отведен в Китае и возвращен своему владельцу. Получив обратно своего "бойкуна", блаженный в тот же день позолотил ему рога и преспокойно стал продолжать свои ежедневные путешествия...".

Да, поистине: "Познал вол владельца своего (Ис 1.3)" Священник Владимир Зноско "Христа ради юродивый иеросхимонах Феофил, подвижник и прозорливец Киево-Печерской Лавры". Тверь, 1991.